

"Опусти щиты", - говорит ему Вейдер через Силу. Слышать разницу между его мысленным и физическим голосом неприятно, но Энакин не обращает на это внимания. Он знает, что Вейдер никогда не выбирал этого, не выбирал и не хотел жить так, и уважает это.

Энакин делает то, что велит ему Вейдер: опускает щит, закрывающий его мысли, берет метафорическую руку, которую предлагает Вейдер, и входит в разум ситха. Это смущает его, он редко так поступает и не делал этого уже много лет. Если бы не тот факт, что они одинаковые, было бы жутко от того, как легко это происходит. Вейдер не скрывает ничего, кроме своих сокровенных мыслей и желаний, правды обломков своего тела, выложенных на обозрение Энакину. Ничто не могло подготовить его к этому. Ничто.

Как он до сих пор жив? Он не должен быть жив. Этого не должно быть. Но это так, иначе он бы не дышал, пусть и с помощью аппарата, не говорил и не двигался. Ненависть, мысль с оттенком грусти. Вот как.

Так глубоко в сознании Вейдера, между ними нет секретов. Они видят друг друга такими, какие они есть, такими, какими они были, такими, какими они могут быть. Они оба - Энакин Скайуокер, и все же они... не одинаковы. Вейдер - это не Энакин, а Энакин - это Вейдер. Слишком многое изменилось, чтобы их пути когда-нибудь совпали, но теперь, когда они вместе, они прокладывают свой собственный путь, новый путь, и они могут делать это вместе. Ни один из них больше не будет одинок, и это успокаивает. Они понимают самые глубокие страхи и эмоции друг друга так, как никто другой никогда не сможет.

Мысли Вейдера приглушены, но Энакин чувствует его стыд и неуверенность, ненависть к себе, которая движет им, отчаянную потребность и жажду все исправить, сделать так, как надо, и больше всего - принять. Это переполняет его, и он отступает назад в свой собственный разум, открывая глаза, чтобы посмотреть на ситха, и смахивая слезы. Теперь он знает, что Вейдер испытывает постоянную боль, постоянную агонию, каждое его движение разрывает поврежденные и покрытые шрамами ткани и нервы. Для него было бы милосердием умереть, но это не то, чего он хочет, больше нет, не сейчас, когда он обрел цель.

И Энакин знает, что больше никогда не сможет сомневаться в Вейдере. Никогда. Не сможет, потому что слишком глубоко его понимает. На данный момент гнев Вейдера сменился покорностью, когда он позволил своим сокровенным чувствам выйти на поверхность. Он так долго был один, что не знает, как не быть одиноким. Он забыл, как жить. Ему нужна семья, которую он потерял, он тоскует по ней больше, чем может выразить словами, но это была слабость, которую он безжалостно подавлял годами, чтобы Сидиус не использовал ее против него.

Он не знает, что сказать этому человеку, зеркалу самого себя, который страдал больше, чем Энакин может себе представить. Возможно, у них одна душа, но сила, которую демонстрирует Вейдер, - это сила, которую Энакин не может разглядеть в себе. Но он точно знает, что, если они будут друг у друга, им больше никто не понадобится, потому что друг для друга их будет достаточно. Им не придется отрицать то, что делает их... ими, если они будут вместе. Он всегда будет скучать по Оби-Вану, Асоке, Падме, Рексу и всем остальным - правда, по ним обоим, хотя для Вейдера их отсутствие - это глубокая боль, старая незаживающая рана, - но он сможет прожить без них, по крайней мере, какое-то время.

Энакин молчит, ему все равно нечего сказать. Они видят друг друга, и при таком глубоком взаимопонимании зачем им слова. Он медленно поднимается, и Вейдер, словно сомневаясь, повторяет его движения. Никто не должен жить так, как жил Вейдер - как жили они оба, - вынужденный быть тем, кем он не является.

"Прости", - думает он, хотя это излишне. Вейдер и так все знает. Слезы затуманивают его взгляд, и он, поддавшись эмоциям, срывается. Что бы они ни делали, Вейдер никогда не будет полностью свободен. Он никогда не сможет вырваться из брони, сковывающей его, и это больно. Он заслуживает шанса стать свободным так же, как и Энакин.

Положив руку на руку Вейдера, Энакин смотрит на него, как глазами, так и Силой, ища согласия. Вейдер не двигается, но и не останавливает его: Энакин делает выпад вперед, обхватывая ситха руками так крепко, как только осмеливается. Дюрастель холодна и неподатлива под его хваткой, но он знает, что Вейдер ценит его чувства. Потянувшись к Силе, Энакин переплетает их Силовые сигнатуры так, чтобы успокоить обоих, и упирается лбом в плечо киборга. Вейдер колеблется, прежде чем обнять Энакина.

Это всегда было их... особенностью. Они оба давно искали физического контакта для успокоения. Когда Оби-Ван был их мастером, это было сложнее, особенно с возрастом, потому что он всячески препятствовал этому, видя в этом форму привязанности. Но для них Оби-Ван был и всегда будет их отцом, и даже его выговоров и разочарованных взглядов никогда не будет достаточно, чтобы они перестали его любить. Это больно. Больно, потому что именно Оби-Ван так поступил с Вейдером. Именно из-за него Вейдер навсегда останется в ловушке, в которой даже смерть была бы милостью.

Энакин не отстраняется, как и Вейдер, и они остаются в объятиях друг друга, черпая утешение у единственного человека в галактике, который по-настоящему и глубоко понимает и принимает их. Им не нужно прятаться, не друг от друга, и правда, которую Энакин чувствует в своем сердце, находит отклик в сердце Вейдера. Они любят друг друга и готовы на все, на все, если это означает, что другой будет в безопасности.

Я люблю тебя.

Я тоже люблю тебя.

Возможно, это первый шаг к исцелению для них обоих.